

Мурашова Наталья Сергеевна

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ "ДУХОВНЫЙ СТИХ"

В статье рассматриваются подходы к интерпретации понятия "духовный стих", сложившиеся в исполнительской среде и в научном обиходе, вскрываются причины отсутствия четких границ данной дефиниции. В целях терминологической конкретизации выделяются четыре архетипические модели духовного стиха, на основе которых происходило развитие системы внебогослужебного духовного пения.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/31.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2011. № 5 (11): в 4-х ч. Ч. II. С. 124-127. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2011/5-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

PLACE AND ROLE OF INFORMAL PRACTICES IN MODERN RUSSIAN FEDERALISM

Aleksandr Andreevich Matveev
Department of Political Science
Russian State Pedagogical University named after A. I. Gertsen
Matveevalexandr2009@yandex.ru

The author pays special attention to informal practices influence on the political interrelations of the Center with regions which are formed on the basis of non-public agreements in Russia.

Key words and phrases: federalism; Center; regions; informal practices.

УДК 398.88

В статье рассматриваются подходы к интерпретации понятия «духовный стих», сложившиеся в исполнительской среде и в научном обиходе, вскрываются причины отсутствия четких границ данной дефиниции. В целях терминологической конкретизации выделяются четыре архетипические модели духовного стиха, на основе которых происходило развитие системы внебогослужебного духовного пения.

Ключевые слова и фразы: лексема «духовный стих»; терминологические обозначения внебогослужебного духовного пения; фольклорные эпические и лирические стихи; покаянные стихи; псалмы.

Наталья Сергеевна Мурашова, к. искусствоведения, доцент
Кафедра социально-культурной и библиотечной деятельности
Новосибирский государственный педагогический университет
2107542@mail.ru

СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ «ДУХОВНЫЙ СТИХ»[©]

Одна из проблем, с которой сталкивается исследователь духовного стиха, - отсутствие четких границ данного понятия. За те полтора века, что оно используется в научном лексиконе, произошли определенные изменения в развитии самого духовного песнетворчества и в отношении к нему со стороны ученых, представляющих различные исследовательские школы. В итоге лексема «духовный стих» приобрела достаточно аморфную семантику, что ведет к некоторым затруднениям в ее применении в качестве термина. Таким образом, назрела необходимость терминологического осмысления дефиниции «духовный стих» и обозначения рамок ее применения.

Попытаемся выделить подходы к толкованию интересующего нас понятия, которые складывались на протяжении всего периода изучения духовного стиха. Различие подходов обусловлено не столько эволюционированием исследовательских взглядов во времени, сколько субъективными позициями отдельных ученых. В этой связи схожие взгляды нередко объединяют исследователей прошлого и настоящего и, соответственно, разные мнения высказываются современниками.

Итак, можно выделить широкое (контекстное) толкование, обретающее реальность на уровне отдельных явлений, порожденных определенными историческими периодами, стилями и прочими факторами. Сторонники такого отношения к духовному стиху рассматривают его как открытую систему, пополняемую новыми произведениями, возникающими под влиянием меняющегося культурного фона. В этом случае понятие «духовный стих» объединяет народные эпические и лирические стихи, покаянную лирику, религиозные канты и псалмы, старообрядческие памятники, сектантские роспевцы, духовную поэзию книжного происхождения, современное авторское духовное песнетворчество, а также рождественские колядки, христославия, волочебные песни и др. Интеграция столь разных по происхождению, бытованию и стилистике жанровых единиц в одно целое, терминологическим обозначением которого служит понятие «духовный стих», обосновывается их религиозным содержанием, функционированием за пределами церковного обряда и, нередко, присутствием в репертуаре одних и тех же исполнителей.

Противоположная точка зрения базируется на отношении к духовному стиху как к замкнутой системе, закончившей период своего активного развития и переживающей этап естественного угасания, а в отдельных случаях и вовсе превратившейся в музейный экспонат. Согласно такому подходу духовными стихами следует считать лишь образцы фольклорного происхождения, сформировавшиеся под влиянием эпической стилистики.

Существуют компромиссные мнения. В этом случае духовный стих как категория объединяет фольклорные по происхождению образцы старшей эпической и поздней лирической традиций. Большинство исследователей склонны относить к духовным стихам сложившиеся в период древнерусского Предвозрождения в монастырской среде покаянные, являющиеся произведениями книжной ветви духовного песнетворчества.

Здесь определяющим фактором стала культурная эпоха формирования и расцвета внебогослужебного духовного пения - русское средневековье. Включение покаянных в круг духовных стихов дает возможность присоединить к последним канты и псалмы, представляющие следующий этап развития книжных внелитургических традиций духовного творчества.

Необходимо отметить, что противоречивость мнений во многом базируется на разном отношении к духовному стиху - либо как к не развивающейся ныне системе, сформировавшейся и функционирующей в пределах уже ушедшей культурной эпохи, либо, наоборот, обогащающейся новыми образцами за счет их адаптации к реалиям времени, благо, что содержательное наполнение памятников духовного песнетворчества связано с вечными идеалами, не поддающимися трансформирующимся ценностям профанного мира. Именно соотносимость с религией актуализирует духовный стих во все времена. В этом отношении его можно поставить в один ряд с молитвой, иконой и прочими явлениями религиозной культуры.

Сложность в определении границ понятия «духовный стих» усугубляется терминологической вариативностью, существующей среди создателей и исполнителей духовного песнетворчества. Данная тенденция характерна и для фольклорной, и для книжной традиций внебогослужебного духовного пения.

В народной среде гораздо чаще, чем «духовные стихи», фигурирует понятие «стихи», поскольку оно является исконным. Для фольклорных исполнителей важно подчеркнуть, что это не «песня», порожденная мирской культурой, а иной вид художественного творчества, выражающий высшие духовные ценности, иницированные религиозными представлениями, и потому имеющий особое терминологическое обозначение. Кроме того, в народном словоупотреблении встречается целый ряд лексем, дифференцирующих внебогослужебное духовное пение: *пропевы, старины, псалмы, стихиры, божественные стихи, поминальные стихи* - таков их неполный перечень. Разница названий обусловлена регионом, средой бытования, субконфессиональной принадлежностью исполнителей, происхождением и особенностями функционирования образцов, формой передачи информации.

В книжной ветви духовного песнетворчества также отсутствует понятийное единство. Исторически наиболее ранние формы, сложившиеся в период русского средневековья в монастырской среде, получили названия *покаянные, прибыльные, слезные, умиленные*, реже - *заповедные, переходные, обычные* стихи. Дальнейшее развитие книжной традиции связано с жанром псалмы. Распространялись псалмы через рукописные сборники, а также благодаря бродячим певцам, каликам переходным, которые стали исполнять их вместе с фольклорными образцами, что способствовало вхождению псалм в общерусский репертуар духовных стихов.

Термины «стих» и «духовный стих» имеют свою историю в научном обиходе. Лексема «стих» в исследовательскую среду начинает проникать в 1830-е гг. благодаря П. В. Киреевскому и Н. М. Языкову. Понятие «духовный стих» в печатных работах стало использоваться со второй половины 1850-х гг. Нами было замечено его применение в исследовании Ф. И. Буслаева «Повесть о Горе и Злосчастье, как Горе-Злосчастье довело молодца во иноческий чин», опубликованном в IV томе журнала «Русский вестник» за 1856 г. Ф. И. Буслаев относит Повесть о Горе и Злосчастье «к разряду духовных стихов, воспеваемых слепыми нищими-старцами» [2, с. 212].

К концу XIX века словосочетание «духовный стих» укореняется в научном лексиконе для обозначения образцов внебогослужебного духовного пения. В то же время по-прежнему использовались и другие определения: *духовные псалмы, песни духовные, народные стихи, стихи духовного содержания, религиозные роспевцы*. Иногда термин «духовный стих» применялся с дополняющим уточнением: *духовный народный стих, народный каличий духовный стих*.

Среди исследователей XIX века заметны две тенденции: употребление лексемы «духовный стих» для обозначения образцов народного духовного песнетворчества, главными носителями которых были калики переходные и нищенствующие странники (А. Н. Афанасьев, П. Н. Рыбников), и распространение этого понятия не только на народные, но и на книжные внецерковные духовные произведения (П. А. Безсонов, Ф. И. Буслаев, В. Г. Варенцов). По мере накопления исследовательских материалов последняя тенденция начинает приобретать больше сторонников. Изыскатели второй половины XIX века осознавали двойственность духовного стиха, понимая, что народные произведения этого рода возникали под влиянием книжной культуры. К XVII столетию - времени расцвета внебогослужебного духовного пения - в устных стихах заметно усиливаются книжные элементы. Поэтому провести грань между фольклорным и книжным духовным песнетворчеством не всегда представляется возможным. Это осознавали исследователи рубежа XIX-XX веков А. И. Кирпичников, А. Л. Маслов, С. К. Шамбинаго.

Среди современных ученых трактовка духовного стиха как явления народной культуры характерна для А. В. Коробовой, В. П. Кузнецовой, Г. В. Лобковой, М. В. Медведевой, В. А. Михнюкевича, А. С. Мутиной; как явления, включающего фольклорные и книжные образцы - для Е. Е. Васильевой, С. Е. Никитиной, Ф. М. Селиванова, Н. С. Серegiной, Н. А. Федоровской и др.

Вариативность смыслового наполнения термина «духовный стих» во многом обусловлена его искусственным происхождением: он возник не в среде носителей, а в среде исследователей. Камнем преткновения, как правило, оказывается проблема включения в духовные стихи образцов, порожденных книжной культурой. На наш взгляд, духовный стих представляет совокупность разножанровых и разностилевых музыкально-поэтических произведений религиозного содержания, исполняемых за пределами богослужения, которые одновременно формировались под влиянием книжной и фольклорной традиций. Именно это обстоятельство

должно быть положено в основу понимания духовного стиха как явления русской художественной культуры. На протяжении своего развития духовный стих пополнялся памятниками, репрезентирующими и книжное, и фольклорное творчество. В результате категория «духовный стих» объединяет:

1) возникшие в народной среде вскоре после принятия Русью Православия эпические стихи, отражающие как мифологические дохристианские представления о мироустройстве, так и представления, связанные с апокрифической, в меньшей степени, канонической христианской литературой, стилистически близкие былине (такие памятники П. А. Безсоновым были названы «старшими стихами» [1, с. 734]);

2) фольклорные стихи позднего происхождения, стилистически смыкающиеся с традициями лирической песни, восходящие к Библейским, житийным, апокрифическим сюжетам, обработанным «народным православием» (названные П. А. Безсоновым «младшими стихами» [Там же]);

3) покаянные (умилненные, слезные, призывные) стихи, сложившиеся к XV веку в монастырской среде на основе традиций церковной гимнографии, фиксируемые крюковой нотацией;

4) духовные канты и псалмы, получившие развитие в книжной культуре XVII века и оказавшие затем влияние на фольклорное духовное песнетворчество, о чем свидетельствует бытование в народной среде термина «псалма» для обозначения произведений внебогослужебного духовного пения.

Духовный стих, по меткому выражению Ф. И. Буслаева, есть «примирение просвещенной христианством мысли с народным поэтическим творчеством» [2, с. 216]. Средством осуществления этого примирения было синтезирование фольклорных и книжных традиций. В отношении духовного стиха правильнее говорить о синкретизме устно-письменных традиций. Ведь духовный стих никогда не был абсолютно фольклорным явлением. Он возник на основе книжных знаний и уже потом, когда книжная информация укоренилась в народном сознании, он стал распространяться фольклорным способом, нередко адаптируя книжную информацию под привычные для народной среды формы, частично искажая ее.

Обычно в культуре встречается обратный процесс проникновения фольклорной информации в книжную среду, когда тексты устной традиции начинают воздействовать на литературу и композиторскую музыку. Духовный стих демонстрирует как раз обратное: влияние книжных традиций на фольклор, приспособление «чужих» культурных форм к бытованию в народной среде. Духовный стих обязан своим происхождением книжной христианской культуре. Его сюжеты и образы не существовали ранее в устной форме, подобно сказкам, обрядовым песням, былинам и прочим фольклорным жанрам. В этом, прежде всего, и состоит своеобразие духовного стиха.

Наиболее отчетливо тенденции интеграции фольклорных и книжных традиций внебогослужебного музыкально-поэтического творчества стали проявляться в русской культуре Нового времени. С особой силой устно-книжная природа духовного стиха предстала в творчестве старообрядцев и сектантов - носителей, отличающихся высоким уровнем грамотности. Старообрядческий репертуар включает как устно бытующие, так и письменно зафиксированные в сборниках (стиховниках/стихарниках) образцы общеправославного содержания и стихи, отражающие старообрядческую историю и специфическое мировоззрение данной группы создателей и исполнителей духовного песнетворчества. Сектантские роспевцы, бытующие похожим со старообрядческими стихами образом, отличались возможностью их применения во время религиозных обрядов, что породило соответствующую группу памятников, содержательно связанных с культовой практикой.

К духовным стихам восходит творчество современных светских и церковных авторов, создающих романсы духовного содержания. Но все-таки их стилистика гораздо в большей степени испытала влияние композиторского творчества и литературной поэзии, нежели фольклорных или книжных средневековых традиций. Духовные романсы звучат со сцены, распространяются с помощью современных средств массовой коммуникации. Вряд ли их следует считать духовными стихами. Скорее их стоит рассматривать как самостоятельный вид художественного творчества и обозначать специальным понятием (например, «авторские сочинения духовного содержания»), хотя близость с классическим духовным стихом у подобных произведений весьма ощутима. Они поются монастырскими насельниками и светскими исполнителями наряду со старинными стихами, а это значит, что сами носители духовного песнетворчества воспринимают их как близкие, родственные явления.

Итак, лексема «духовный стих», возникшая в исследовательской среде во второй половине XIX века для обозначения музыкально-поэтических произведений религиозного содержания, исполняемых за пределами церковного обряда, изначально имела открытые границы. Взаимодействие книжных и фольклорных культурных форм, питающее развитие духовного песнетворчества, усиливало жанровую мобильность духовных стихов. Отсутствие единства дефиниций в исполнительской среде еще более усложняло ситуацию с обозначением произведений внебогослужебного духовного пения. Попытавшись придать терминологическую конкретность понятию «духовный стих», мы выделили четыре его архетипические модели: фольклорные эпические, лирические стихи, покаянные стихи и псалмы, на основе которых происходило дальнейшее жанрово-стилистическое развитие системы духовного стиха.

Список литературы

1. **Безсонов П. А.** Калики перехожие: сборник стихов и исследований: в 2-х ч. М.: Тип. А. Семена, 1861. Вып. 1-3. 852 с.
2. **Буслаев Ф. И.** Повесть о Горе и Злосчасти, как Горе-Злосчастье довело молодца во иноческий чин // Буслаев Ф. О литературе: исследования, статьи. М.: Худож. лит., 1990. С. 164-261.

“SPIRITUAL VERSE” NOTION CONTENT

Natal'ya Sergeevna Murashova, Ph. D. in Art Criticism, Associate Professor
Department of Social-Cultural and Library Activity
Novosibirsk State Pedagogical University
2107542@mail.ru

The author considers the approaches to the interpretation of the notion “spiritual verse” developed in performers' environment and scientific use and reveals the reasons of the absence of clear boundaries of this definition. With the purpose of terminological concretization the author singles out four archetypical models of a spiritual verse on which basis there was the development of the system of non-liturgical spiritual singing.

Key words and phrases: “spiritual verse” lexeme; terminological designations of non-liturgical spiritual singing; folklore, epic and lyric verses; penitential verses; chants.

УДК 323.3

Цель настоящей статьи - анализ проблемы монополизации современной российской политики. Опираясь на альтернативную парадигму политической науки - марксистскую теорию, автор приходит к выводу о том, что политическая монополизация является средством разрешения противоречий современного российского капитализма.

Ключевые слова и фразы: парадигма; капитал; капитализм; противоречие; пролетариат; буржуазия; саморасширение капитала; монополия.

Денис Викторович Новиков, к. полит. н.

Кафедра «Философия и социология»

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

novikovdeniska@rambler.ru

**МОНОПОЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИКИ КАК СРЕДСТВО РАЗРЕШЕНИЯ
ПРОТИВОРЕЧИЙ КАПИТАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА[©]**

Общим тезисом современных политологов, занимающихся изучением российской политической системы и постсоветского политического процесса, является утверждение о значительной сконцентрированности властных ресурсов, т.е., по сути, монопольности власти. Несмотря на приверженность той или иной теории, а также политическую ангажированность, многочисленные исследователи, в сущности, едины в признании значительной авторитарности и персонализма российского политического режима, высокой монополизации власти и, наоборот, слабо сформированной политической конкуренции.

Анализ многочисленных концепций российской политики позволяет все их множество сгруппировать в рамках двух направлений. Условно их можно обозначить как либерально-нормативистское и консервативно-реалистическое.

Представители первого подхода [8; 10; 16; 23] в теоретическом отношении опираются на классические плюралистические теории американской политологии. По их мнению, существует нормативная модель демократии («идеальный тип»), основанная на политической конкуренции и высокой включенности граждан в политику¹. В качестве страны, в наибольшей степени приблизившей свою политику к демократическому идеалу, как правило, рассматриваются США. В свою очередь Россия признаётся государством, политическая система которого не соответствует критериям либеральной демократии. Качественную же основу современной российской политики, по мнению либералов, составляют авторитарно-персоналистский режим и значительная монополизация власти.

Таким образом, российская политическая система сторонниками либерально-нормативистского подхода понимается как своего рода отклонение от нормального западного (в первую очередь, американского) политического опыта. А поскольку указанное отклонение выступает в качестве объекта критики, то предлагается его устранить реформистским путем с помощью последовательной либерализации и демократизации.

Авторы консервативно-реалистической ориентации также признают авторитарно-персоналистский характер российского политического режима и высокий уровень монополизации российской политики [4; 6-8; 17; 20-22].

[©] Новиков Д. В., 2011

¹ Так, например, один из крупнейших представителей современной американской (и мировой) политической науки Р. Даль считает, что основой современного демократического режима являются высокий уровень конкуренции элит и широкое участие граждан в формировании властных институтов [5, с. 9-14].